
Аристотель в лекциях Александра Кожева: диалектика раба и господина

© 2020 г. Е.И. Шашлова

*Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, 344090, ул. Большая Садовая, д. 105/42.*

E-mail: eishashlova@sfedu.ru

Поступила 02.04.2019

В статье анализируется курс лекций Александра Кожева (1933–1939) как историографический материал для современного аристотелеведения. Особое внимание уделяется критической аргументации Кожева, которую он развертывает, осмысливая аристотелевское обоснование рабства и господства по природе. При этом надо иметь в виду, что Аристотель не является центральной фигурой в этих лекциях, он интересен Кожеву не сам по себе, но в диалектическом сопоставлении с гегелевской, исторической по своей сути, концепцией «раба и господина». Разрабатывая оригинальную философию истории, Кожев критикует определения человека, представленные Аристотелем в «Политике», но вместе с тем он частично принимает политические идеи Аристотеля. По Кожеву, быть рабом или господином «по природе» – значит соответствовать своему предназначению. Но при этом именно отношения раба и господина представляются Кожевом как основание исторического процесса. И с его точки зрения, «борьба за признание», «историзм и конец истории», «смертельный риск» и пр. – это понятия, которые призваны разрешить противоречия аристотелевского учения о государстве. Общим для Аристотеля и Кожева остается определение сущности человека через политику и логос (речь), позволяющее осмысливать отношения раба и господина диалектически. Предпринятый в статье анализ этого двойственного отношения Кожева к идеям Аристотеля позволяет выявить комплекс разнообразных предпосылок, исходя из которых Кожев интерпретирует философию истории Гегеля.

Ключевые слова: диалектика раба и господина, конец истории, рабство, добродетель, политическое животное, логос, Аристотель, Кожев, Animal rationale.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-38-44

Цитирование: *Шашлова Е.И.* Аристотель в лекциях Александра Кожева: диалектика раба и господина // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 38–44.

Aristotle in the Lectures of Alexandre Kojève: The Master-Slave Dialectic

© 2020 г. Ekaterina I. Shashlova

*Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344090, Russian Federation.*

E-mail: eishashlova@sfedu.ru

Received 02.04.2019

The article analyzes the course of lectures by Alexandre Kojève (1933–1939) as a historiographical material for modern Aristotelian studies. Special attention is paid to Kojève's critical argumentation, which he deploys, comprehending Aristotelian justification of slavery and mastery by nature. It should be considered that Aristotle is not the central figure in these lectures, he is interesting for Kojève not himself, but in dialectical comparison with Hegel's, historical in its essence, concept of "slave and master". Developing an original philosophy of history, Kojève criticizes the definitions of man presented by Aristotle in "Politics", but at the same time, he partially accepts the political ideas of Aristotle. According to Kojève, to be a slave or a master "by nature" means to correspond to one's destiny. But at the same time, it is the master-slave relationship that Kojève presents as the basis of the historical process. From his point of view, "the struggle for recognition", "historicism and the end of history", "mortal risk", etc. are the concepts that are designed to resolve the contradictions of Aristotle's doctrine of the state. Common to Aristotle and Kojève is the definition of the essence of man through politics and logos (speech), allowing to comprehend the relationship of slave and master dialectically. The undertaken analysis of this Kojève's dual relation to Aristotle's ideas allows to reveal a complex of various preconditions, proceeding from which, Kojève interprets Hegel's philosophy of history.

Keywords: the master-slave dialectic, the end of history, slavery, virtue, political animal, logos, Aristotle, Kojève, animal rationale.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-38-44

Citation: Shashlova, Ekaterina I. (2020) 'Aristotle in the Lectures of Alexandre Kojève: The Master-Slave Dialectic', *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 38–44.

Нет ни одной системы философии, перед которой новое время так согрешило, как перед аристотелевской философией, и нет ни одного из древних философов, который дал бы нам такую возможность загладить наш грех перед ним, как Аристотель.

Гегель, Лекции по истории философии

В 1933–1939 гг. А. Кожев читал курс «Религиозная философия Гегеля», который являлся, по сути, комментарием к «Феноменологии духа». И сегодня эти лекции можно рассматривать не только как одно из оригинальных прочтений гегелевской философии

аристотелеведения. Речь идет о диалектике раба и господина в политической философии Аристотеля, которая стала для Кожева своего рода «антитезисом» к гегелевской концепции «раба и господина». Без диалектики раба и господина невозможно понять философию истории Кожева, которая основана на гегелевской антропологии, негативности труда как отрицании природы и идее свободы. Кожев уделяет большое внимание четвертой главе «Феноменологии духа», посредством которой он выявляет сущность гегелевской философии, и особенно параграфу о диалектике раба и господина¹. Диалектика раба и господина, раскрывающая суть борьбы за признание в истории, из сюжета антиковедческих исследований становится ядром политической философии Кожева.

Определение раба как части, собственности и орудия господина в «Политике» Аристотеля часто считают оправданием существующего положения вещей в греческом полисе [Лосев 1975; Lévy 1989]. Характеристике рабства посвящена первая книга «Политики» Аристотеля [Аристотель 1983] (далее ссылки на эту работу приводятся в тексте в круглых скобках). Здесь описывается, при каких условиях отношения раба и господина являются полезными и справедливыми (1254a–1255b). Характеризуя рабство «по природе», Аристотель отмечает, что насильственное порабощение «по закону», вносит путаницу в определение раба (1255a, 16). Он говорит о всеобщей природе, определяющей попарное существование властвующих и подчиняющихся людей, в котором раб не сопротивляется господству над ним. Существо господствующее «благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе <существо подчиняющееся>, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же» (1252a, 4). Таким образом, по Аристотелю, именно природа человека определяет пользу для всего общества, а индивидуальная жизнь подчинена государству. Варвары не умеют властвовать, в том числе они не проводят отличия между рабами и женщинами, поэтому «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (1252b, 5), что и позволяет грекам господствовать над варварами.

Аристотель определяет государство как «возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» (1252b, 8). Конечная цель государства – достижение блага, которое является моментом определяющим содержание того, что есть «по природе»: «Ведь мы называем природой каждого объекта – возмем, например, природу человека, коня, семьи – то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием» (1252b–1253a, 8), «природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно» (1253a, 10). Описанная телеология характеризует полезный и справедливый путь развития общества. Таким образом, по Аристотелю, конечная цель существования – благо каждого объекта – определяется его природой, а положение раба и господина определены изначально их конечной целью. Раб не может *стать* господином, потому что природа раба содержит в себе конечную цель его существования.

Природная необходимость определяет и совершенную семью, которая содержит рабов и свободных (1253b, 1), потому что распределение функций между людьми соотнобразуется с пользой. И по природе раб – это и «некая одушевленная собственность», и орудие, необходимое для существования семьи и государства, подобно тому, как таковыми орудиями выступают рулевой или ремесленник (1253b, 4). Собственность следует понимать как часть, «часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немыслима без этого другого» (1254a, 6). У Аристотеля «часть» не описывается как конституирующий момент в диалектическом противоречии, но вместе с тем, раб признает себя в качестве такового.

Ссылок на «Политику» Аристотеля в курсе лекций Кожева нет, за исключением подробно описанной критики биологического подхода в четырех лекциях под названием «Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля» (1934–1935).

Можно обратиться к библиотеке Кожева, описанной и систематизированной М. Филони [Filoni 2003 web]. Если доверять отметкам Кожева о дате прочтения источников, то самая подробная аналитика отношений раба и господина у Аристотеля в курсе лекций 1934–1935 учебном году основана на раннем прочтении «Политики» и «Никомаховой этики» в немецком переводе в 1921 г. Повторно Кожев читал «Никомахову этику» в октябре и «Политику» в декабре 1937 г. Более подробно рассмотрено понятие Времени у Аристотеля, что также совпадает со временем повторного прочтения не только «Политики», но и «Физики» в 1938/1939 учебном году. Кожев констатирует, что в основании всей системы Аристотеля лежит биологизм: «Если бы на земле жили только животные, Аристотель был бы прав» [Кожев 2003, 469]. Эта критика касается и циклического (биологического) понятия Времени, и биологического описания человека, имеющего только вид тождества с самим собой (он либо раб, либо господин).

Принадлежность раба господину в качестве его части будет раскрыта Кожевом в диалектическом описании отношений рабства и господства: для того, чтобы господин был господином, он должен быть признан таковым со стороны раба. Согласно Аристотелю, раб – это тот, «кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб. Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью; последняя представляет собой орудие активное и отдельно существующее» (1254a, 8). «...оставаясь человеком, становится собственностью» – это выражение показывает, что раб также является человеком. Возможно это является одним из главных противоречий Аристотеля, о котором говорит Кожев, потому что раб предстает как человек, но лишенный свободы воли, а значит, его деятельность не может быть свободной, несмотря на то, что он человек. Говоря о разных началах души, Аристотель отмечает, что «рабу вообще не свойственна способность решать, женщине она свойственна, но лишена действенности, ребенку также свойственна, но находится в неразвитом состоянии» (1260b, 6). Также и нравственные добродетели не могут быть равными в разных существах: «одно мужество свойственно начальнику, другое – слуге; так же и с остальными добродетелями» (1260a, 8). Исследователи отмечают, что характеристики, описываемые Аристотелем, все же дают основание рассматривать раба как обладающего «некоторыми достоинствами и добродетелями» [Ларионов, Перов, Семенов, 2019, 630], что подчеркивает указанное противоречие.

Естественный характер социально-политической жизни людей дает Аристотелю основание для формулирования двух определений человека. Первое определение является наиболее известным: «Государство принадлежит к тому, что существует по природе, и... человек по природе своей есть существо политическое» (1253a, 9). Человек – это политическое животное, утверждает Аристотель, употребляя выражение *zoon politicon*. Сравнивая человека со всеми другими живыми существами (животными), Аристотель дает второе определение человека: «Между тем один только человек из всех живых существ одарен речью» (1253a, 10). В тексте Аристотеля отсутствует конкретная формулировка определения человека как животного, обладающего речью, – *zoon logon echon*, как в случае с *zoon politicon*. Но комментаторы Аристотеля используют эту формулировку в латинском переводе как *animal rationale* [Глухов 2018 web]. (Кожев определяет логос как речь, раскрывающую бытие.) Таким образом, мы видим широкое поле смыслов определения человека, по Аристотелю, в двух конститутивных элементах в человеке – политическом и рациональном. Это усложняет интерпретацию того, кем является раб: если раб не участвует в политической жизни общества и согласно этому определению не является человеком, то применимо ли к рабу определение человека через логос? Возможно, для Аристотеля *logos* в качестве речи находится преимущественно в поле политики или практической деятельности, но Кожев интерпретирует логос в античной мысли как речь (*discours*), которая «ничего не созидает и ничего не отрицает: она лишь раскрывает налично-данное реальное» [Кожев 2003, 665].

Логос у Аристотеля, согласно Кожеву, это характеристика животного существа, но не человека.

Выделим системообразующие элементы объяснения отношений раба и господина у Аристотеля, которые мы будем использовать для сравнения с диалектикой Кожева. Во-первых, Аристотель описывает естественный характер социальной жизни людей в государстве. Кожев противопоставляет историю природе и характеризует аристотелевскую теорию как заблуждение. Диалектика раба и господина является, по Кожеву, выражением возможности отрицания природы как таковой и в отношении политики в том числе. С этим связано уточнение Аристотеля о том, что природа объекта всегда содержит его конечную цель. Кожев использует Аристотеля, чтобы продемонстрировать недиалектическое содержание природы, так как природа задает конечную цель и между объектом природы и человеком в этом смысле нет никакого различия, в то время как для Кожева вся человеческая деятельность понимается вслед за Гегелем как отрицание налично-данного бытия – природы. Цель (равно как и конец) имеет лишь история, но не природа. Поэтому раб не может стать господином (по Аристотелю), но с необходимостью становится им у Кожева, когда речь идет о конце истории и всеобщем гомогенном государстве. Во-вторых, для Аристотеля человек – это единственное животное, обладающее речью. Это момент у Аристотеля, определяющий сущность человека, с которым согласен Кожев [Кожев 2003, 671–673], но даже в определении природы человека как животного, обладающего речью, Аристотель будет находиться в биологической системе описания человека. Определение человека через логос имеет для Кожева большое значение, он говорит в лекциях о логосе, речи как деятельности философа. Кожев использует понятие рассудка, давая характеристику логосу как речи (*discours*), противопоставляя его античному логосу, не отрицающему природу.

Определение раба и господина по природе исключает возможность добиться признания, которое может позволить одному властвовать над другим, например, в результате смертельной борьбы. Именно этот момент насильственного захвата власти – революции станет ключевым для диалектики раба и господина в радикальной позиции Кожева. Если у Аристотеля революция невозможна как изменение позиции раб-господин по самой природе, то в интерпретации Гегеля Кожев дает совершенно противоположную трактовку политического действия через историю, которая могла появиться только в христианстве, но не в языческий период. Согласно Кожеву в языческом мире господин участвует в войне ради чистого престижа, не подвергая сомнению устройство государства, а в христианскую эпоху смерть становится единственной возможностью для раба стать господином.

Согласно Кожеву аристотелевский человек как политическое животное (самостоятельный господин) не может осуществить отрицания налично данной природы. Аристотель не усмотрел диалектики в отношениях раба и господина, поэтому их отношения неизменны и соответствуют природе вещей: «Человек *рождается* по “природе” рабом или свободным и никогда не сможет ничего с этим поделать», а у Гегеля человек «*сотворяет себя* тем или другим посредством свободного или произвольного Действования. Господин – это тот, кто пошел до конца в Борьбе, был готов умереть, если не добьется признания, тогда как Раб испугался смерти и добровольно подчинился, он признал Господина, не будучи им признан» [Кожев 2003, 615].

Противоречие аристотелевской концепции политического участия свободного гражданина заключается в том, что ему по природе приписывается то, что приобретается в ходе действия. В то же время у Аристотеля имеется характеристика оправданного бунта раба, о чем указывает, к примеру, историк античности Э. Леви: «То есть, если раб по своей природе принимает рабство, свободный человек по своей природе отказался бы от этого: он предпочел бы риск ведения боя (VII, 15, 1334 до 21–22), восстание и даже смерть. <...> и, самое главное, “рабы по природе” действительно принимают свое рабство» [Lévy 1989, 204]. Согласно Аристотелю, тот, кто

не является рабом по природе, выберет восстание против собственного подчинения, которое может обернуться смертью. Для Кожева идея смерти является центральной для интерпретации значения борьбы за признание в «Феноменологии духа», чему Кожев и посвящает две последние лекции в первом учебном году (1933–1934) читаемого им курса: раба очеловечивает «осознание своей сущностной конечности, осознать которую его заставляет страх смерти, испытанный в ходе *Борьбы за признание*, т. е. в чем-то таком, что не обусловлено чисто биологической необходимостью» [Кожев 2003, 711]. В целом господин не является по природе человеком, человеком можно стать, и именно раб в ходе истории становится человеком. Таким образом, интерпретация «Феноменологии духа», предпринятая Кожевом в курсе лекций 1930-х гг., демонстрирует, что отношение «раб – господин» в трудах Аристотеля имеет для Кожева принципиальное значение.

Примечания

¹ В январе 1938 г. Кожев переписывался с Бернаром Гротуйзенем по поводу издания перевода «Феноменологии духа» совместно с Анри Лефевром в издательстве Галлимар (Groethuysen, Bernard (1938) *Lettres à Kojève*, le 1er Janvier 1938, le 14 Janvier 1938. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Fonds Alexandre Kojève. NAF 28320, Boîte 22.1; Gallimard, Gaston (1938) *Lettres à Kojevnikoff*, le 3 Juin 1938, le 16 Juin 1938. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Fonds Alexandre Kojève. NAF 28320, Boîte 22.1). Планировалось, что перевод четвертой главы выполнит Кожев. Лефевр писал ему: «...у меня уже есть полный перевод четвертой части (38 страниц). Поэтому я прошу вас предоставить мне перевод этой четвертой части и начало пятой (пункт а). <...> И я жертвую около сорока страниц уже сделанного перевода...» (10 января 1938 г., Lefebvre Henry (1938) *Lettre à Kojève*, le 10 Janvier. Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Fonds Alexandre Kojève. NAF 28320, Boîte 22.1). Совместный проект с Лефевром не состоялся, и Кожев в 1939 г. опубликовал перевод лишь параграфа А IV главы, снабдив его обширными комментариями, превосходящими по объему текст Гегеля. Это была первая публикация Кожева, посвященная «Феноменологии духа» и содержащая идеи его курса лекций о гегелевской философии, единственный перевод текста Гегеля, опубликованный Кожевом. Этот же текст был опубликован в 1947 г. вместо предисловия к сборнику конспектов и текстов лекций Кожева – «Введение в чтение Гегеля».

Источники – Primary Sources in Russian Translation

Аристотель 1983 – *Аристотель*. Политика / Пер. С.А. Жебелева // Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644 [Aristoteles, *Politiká* (Russian Translation, 1911)].

Кожев 2003 – *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003 [Kojève, Alexandre *Introduction à la lecture de Hegel* (Russian Translation, 2003)].

Ссылки – References in Russian

Глухов 2018 web – Глухов А.А. Zoon logon echon: Новое прочтение классического «определения» человека в «Политике» Аристотеля // https://iphras.ru/uplfile/histsc/seminar/2019/Glukhov_Zoon_logon_echon.pdf

Ларионов, Перов, Семенов 2019 – *Ларионов И.Ю., Перов В.Ю., Семенов В.В.* Моральный идеал свободы: рабство и наемный труд в античности // *Scholé*. Т. 13. № 2. С. 627–636.

Лосев 1975 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. В 4 т. Т. IV. М.: Искусство, 1975.

Руткевич 2015 – *Руткевич А.М.* Философия истории Александра Кожева [Текст]: препринт WP6/2015/02. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015.

References

Filoni, Marco (2003 web) *Bibliographie de l'oeuvre d'Alexandre Kojève*; Id., *La bibliothèque philosophique d'Alexandre Kojève*, in Lussy, Florence de (dir.). *Hommage à Alexandre Kojève: Actes de la «Journée A. Kojève» du 28 janvier 2003*. Nouvelle édition [en ligne]. Paris: Éditions de la Bibliothèque nationale de France, 2007 (généré le 30 avril 2019) // <http://books.openedition.org/editionsbnf/366>.

Glukhov, Alexey A. (2018 web) Zoon logon echon: A new reading of the classic “definition” of a man in Aristotle’s Politics // https://iphras.ru/uplfile/histsc/seminar/2019/Glukhov_Zoon_logon_echon.pdf (in Russian).

Larionov, Igor’ Yu., Perov, Vadim Yu., Semenov, Vladislav V. (2019) The moral ideal of freedom: slavery and wage labor in antiquity, *Scholia*, 13, 2, pp. 627–636 (in Russian).

Lévy Edmond (1989). ‘La théorie aristotélicienne de l’esclavage et ses contradictions’, *Mélanges Pierre Lévêque*, 3, Université de Franche-Comté, Besançon, pp. 197–213.

Losev, Alexey F. (1975) The history of ancient aesthetics, IV, *Iskusstvo*, Moscow (In Russian).

Rutkevich, Alexey M. (2015) Philosophy of the History of Alexander Kozhev, *Izd. dom. Vysshej shkoly ekonomiki*, Moscow (in Russian).

Сведения об авторах

ШАШЛОВА Екатерина Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук, ЮФУ.

Author’s Information

SHASHLOVA Ekaterina I. – CSc in philosophy, associate professor in History of Philosophy Chair, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, SFU.